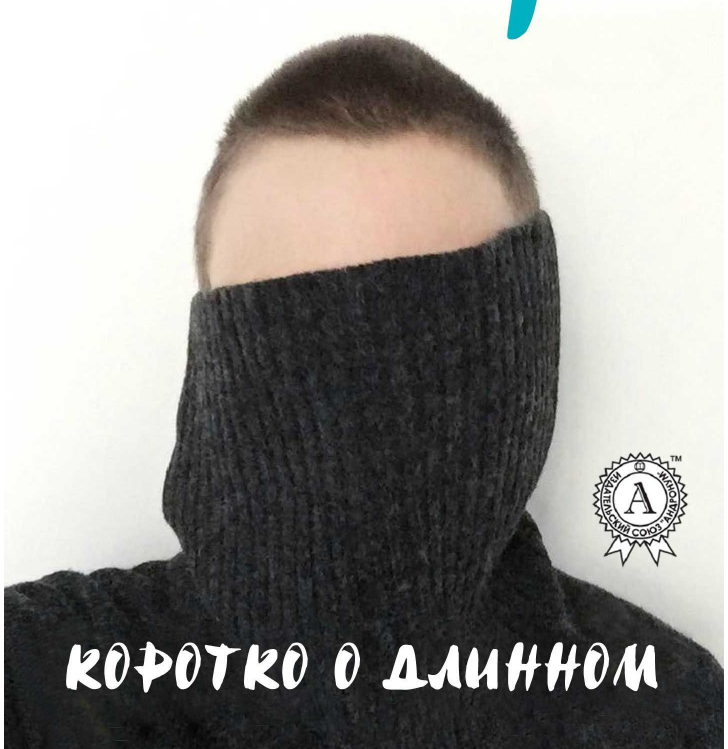
100РОЖЕВА

Почему так му!..



КОРОТКО О ДЛИННОМ

100рожева
Почему так му…
Коротко о длинном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17648507
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;

Аннотация

Самое длинное путешествие начинается со слов «я знаю короткую дорогу». Короткие рассказы из сборника «Почему так му…» – приглашение к путешествию в жизнь других людей. 100Рожева – писательница, поставившая перед собой лицеприятную задачу описать сто рож, считая собственную. Задача стоит. Рожи множатся. Собаки лают. Караван идет. Точка в правильном месте в разы увеличивает проходимость и экономит запасы. Современному человеку приходится читать так много, что у него нет сил на болтливых писателей…

Содержание

От автора	4
Симфония	5
Полегчало	14
Возлюби ближнего	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

100РОЖЕВА
Почему так му…
Коротко о длинном

От автора

«Чем короче произведение, тем меньше вранья. Где мало слов, там вес они имеют. Краткость – сестра таланта. В хорошем рассказе, как на военном корабле, не должно быть ничего лишнего», – наговорили великие о короткой прозе. Пойдём под прикрытием…

Симфония

Шторы цвета пыльной морской волны бьют в затёртую сцену. Затёртость лысей к зрительному залу, где топчутся в поклонах, и справа, куда ушаркивают в дверь «Служебный выход» музыканты, распределённые по абонементам классической музыки. Владельцы абонементов заполняют «слушательный» зал. Легкий бриз предвкушения волнует шторы. Именно шторы, а не театральные кулисы, ибо музыка здесь штормит, и люди кричат друг другу: «Што?!»

– Што сегодня? – спрашивает сзади расслабленный тенор.

– Господи, какая тебе разница! Все равно заснёшь через пять минут! – отвечает раздражённое контральто.

– А вот как раз сегодня собирался послушать! – перечит тенор. – Вечно ты крылья обрубаешь! Что ты за человек!

Следует вздох, удар сиденья по спинке кресла, скрип усаживания, и примирительный дуэт женского и мужского: «Водички дать?» – «Давай». Через паузу вступает детский дискант:

– Мам, а когда начнётся?

– Ну, что ты за ребёнок! – повышает тон раздражённое контральто. – Когда поедем, когда приедем, когда начнётся, когда закончится! Когда все соберутся, тогда и начнётся! Видишь, ещё не все пришли! Водички хочешь?

– Не хочу…

Третий звонок накрывает зал последним всплеском шарканья, ёрзанья и громыхания под гаснущими люстрами. Волны пыльных штор расступаются, являя симфонический оркестр, выброшенный в полном составе на дощатую сцену. По лысому следу, от двери «Служебный выход» к середине выцокивает «директор дома культуры» в бархатном парео, заколотом на плече брошью с затонувшего пиратского фрегата. Солнечно улыбнувшись, она объявляет штормовое музыкальное предупреждение и дату следующего концерта, и уцокивает обратно в свою служебно-выходную бухту.

На сцену врывается свет. Его вдыхают одновременно сто гребцов – музыкантов, и корабль симфонии, содрогнувшись, трогает с места.

Дирижёр размахивает руками, словно балансируя на шатком капитанском мостике. Поймав равновесие, он обращает приглашающие жесты к скрипичной группе, сидящей справа

от него рядами по двое с вёслами-смычками в руках и одним пюпитром на двоих.

Пара первая – мужчина и женщина: строгая дама в очках, причёске «ответственный работник», чёрных лодочках и платье-футляре, и лысеющий, в близоруких линзах, счастливый муж – судя по обречённости, с которой он перелистывает страницы партитуры, словно совместно прожитые годы. Она – педантично смотрит в ноты, он – знает это всё и так…

Вторым рядом – двое мужчин. Первый – лауреат «многочисленных» конкурсов с волосами, нализанными на выдающийся череп, бабочкой и стрелками брюк, метящими в носы лаковых туфель. Когда партитура разрешает, он отстукивает на грифе скрипки далёкие ритмы, до которых долетела бы его бабочка, не будь костюма и туфель. Второй – бетховенский профиль на тонких, широко расставленных ногах «кузнечика, сидящего в траве», в таких же лаковых туфлях как у брата – однонотника, примерно 43-го размера. Случись шторм свободы, эти блестящие остроносые каравеллы под парусами брюк ринутся прочь, их держат лишь рамки планового концерта абонемента № 6.

Третьим рядом – любительница сдобы и рюшей, засыпающая в конце каждого нотного рецепта. Она елозит по скрипке пухлой рукой в браслете, пережимающем запястье как ве-

рёвка сардельку. До пенсии десяток концертов, и, наконец, на дачу, к розам и редиске. В паре с ней – «физик», улыбающийся прибором и хитрой бородкой собственным мыслям, не указанным в нотах великого композитора.

Замыкающая пара – две вчерашние ученицы в кружевах и пластиковых заколках на прилежных головках, не отрывающихся от нот, с одной мечтой на двоих – выбиться в «первые скрипки».

Первая скрипка – красивая, отдохнувшая, с высоким хвостом, в длинном платье с открытыми загорелыми плечами, параллельными её личному пюпитру. При взгляде на неё у дирижёра приподнимаются фалды фрака.

«И-и-и» – взмахивает она ресницами и смычком. «Да-а-а» – склоняет голову дирижёр, и корабельный барабанщик объявляет её очередную победу звоном золотых медалей-тарелок.

В заключительный мажорный гребок симфонии впрягаются все музыканты, кроме первой скрипки. Она неподвижна, словно богиня на носу корабля, обдуваемая ветрами надежд, с горящими от перспектив глазами. Дирижер оргазмирует в гармонических конвульсиях, а она благосклонно принимает дань своей красоте…

Овации длятся ровно три минуты, как и положено плановому концерту. Четыре выкрика «браво», букет роз первой скрипке, десяток «приливов» рукоплесканий и поклоны с топтанием по передним залысинам сцены.

Музыканты еще купаются в овациях, а публика уже стучит сиденьями, кашляет, сморкается и разговаривает в голос.

– Номерок не потерял? – спрашивает сопрано слева.

– Не потерял, – обиженно отвечает баритон, и поясняет: – Классическая музыка все-таки однообразно как-то, не дорос я, видимо…

– Подождем, пока рассосётся, – вступает знакомое заднее контральто.

Шторы цвета пыльной морской волны поглощают сцену и оркестр в полном составе. Из шторных глубин ещё слышно громыхание стульев и футляров, затихающие голоса, смех.

– Не рассосалось там? Сходи на разведку! – отдает приказ контральто.

– Да куда торопиться-то… – философствует ее парный тенор.

– Мам, а когда мы поедем в Детский мир? – подает голос дискант.

– Опять ты со своим «когда»! Когда папа машину починит, тогда и поедем!

– А когда папа машину починит?

– О, господи, несносный ребёнок!

Хмурое небо кажется жемчужным, хмурые люди – одухотворёнными, хмурые улицы – преисполненными новых смыслов. Это влияние великой музыки планового концерта абонемента № 6.

Два брата – однонотника со второго ряда скрипичной галеры идут по тротуару в других похожих ботинках примерно 43-го размера. Их старым баркасам снова по пути – к метро. «Кузнечик» с бетховенским профилем шагает, высоко поднимая тонкие щиколотки.

– Анекдот вспомнил, – наклоняется он к брату-лауреату, прячущему выдающийся череп в спортивной шапочке. – Концерт классической музыки. Вдохновленный эстет на балконе аж кончил от удовольствия, но успел расстегнуть ширинку и фонтанчик спермы полетел через перила вниз в ор-

кестровую яму, ну и попало на лысую голову одного из музыкантов.

«– Боже мой, Сима, смотри, на меня, кажется, кончили!? – На тебя, Мойша, кончили потому, что ты играешь как… звезда!» Ну, там несколько иное слово, понимаешь, да?

Лауреат складывается пополам. Стрелки брюк выстреливают друг в друга. Он останавливается посередине тротуара, давясь хохотом.

Их обгоняет семейство: жена-контрабас, муж-смычок и ребёнок, удерживающий их вместе.

– Вот если бы кто-то не отдал машину в сервис не вовремя, мы бы сейчас ехали домой как люди! – произносит уже родное недовольное контральто.

– Я виноват, что они не сделали? Обещали вчера! Я что могу поделать? – оправдывается тенор.

– Конечно, ты ничего не можешь! Отдал и хорошо, пусть делают не спеша, зачем нам машина? – сарказмирует женщина.

– Я звонил сегодня! У них нет запчастей! Они сами ждут!

– Да, да, только они ждут на машинах, а мы пешком!

– Ну, что ты за человек! – вздыхает мужчина. – Хороший концерт, хорошая погода, прогуляемся пешочком, ничего страшного. Вон спроси лучше у ребёнка, что он вынес из твоего культпохода.

– Сам спроси, мне хватает с ним каждый день уроки делать, а ты приходишь, когда он уже спит, вот и пообщайся с сыном хоть в выходной.

– Сын, тебе понравился концерт? – послушно общается тенор с ребёнком.

– Ну, да… – вступает дискант.

– А как ты думаешь, о чём эта музыка? Эта великая музыка!

– Она о том, что ссориться нельзя людям… что надо дружить всем. И что нельзя убивать людей…

Повисает пауза, заполненная шумом уличного движения и молчанием облаков.

– Салат из морепродуктов сделаю на обед сегодня, ваш

любимый, – нарушает паузу заботливое контральто.

Полегчало

Моя подруга сделала аборт. Не настоящий, таблетками, но переживания были самые настоящие. Она мучилась. И вроде плюсы этого решения на той половине листка, где плюсы, перегнали команду минусов втрое, но подруга ревела, повторяя в телефон один и тот же вопрос каждые полчаса: «Я ведь правильно сделала? Ну, скажи-и-и…» Мои такие же одинаковые подбадривающие ответы занимали оставшиеся полчаса. Таким образом, мы с ней были заняты целый день. Ей было очень больно, а я очень хотела помочь, поэтому предложила первое, что пришло бы в любую голову:

– Давай сходим в церковь? За очищением. Я не знаю, что надо делать, но там, наверное, подскажут…

– Да! Да! Давай! – всхлипнула подруга. – Я сама уже об этом думала. Но только я ничего говорить не буду! Я не смогу…

– Хорошо. Я скажу, что это я, а ты послушаешь…

Мы выбрали маленькую деревянную церквушку на отшибе, чтобы поменьше народу и зашли. Внутри действительно никого не было, кроме немолодой женщины в платке, спя-

щей на кулаке за небольшим столом. Подруга, завернувшись в темный платок, прошла вперед, а я осторожно трясанула столик. Женщина подняла заспанное лицо с пористым носом и редкими волосками на подбородке.

– Вы что-то хотели?

– С кем тут можно посоветоваться?

– Со мной, со мной, – охотно ответила она. – Что случилось?

– Понимаете… я как бы это сказать.… Избавилась от беременности.… Сделала…

– Аборт, аборт! – с готовностью подсказала женщина.

– Ну не совсем… там таблетки… ну в общем, да. Очень переживаю. Вот что надо делать? Подскажите, пожалуйста…

– Понимаю, понимаю! – закивала женщина. – Это тебе к святой Матроне надо!

– А где она?

– Воон иконка! – она махнула рукой в растянутом рукаве.

– Которая? Там много. Я не знаю…

– Да вон же! – женщина неуклюже выбралась из-за столика. – Пойдем, пойдем, покажу.

Она подвела меня к изображению печального затертого лика.

– Вот она, Матронушка наша! – дотронулась женщина до позолоченной рамы и вдруг разинула в улыбке страшный рот, в котором не хватало почти всех верхних зубов и который больше походил на лаз в пещеру ужасов.

– И что надо делать? – спросила я, заставляя себя не смотреть ей в рот.

– А ничего не надо! Постой рядышком, скажи про себя: «Прости мою душу грешную» И всё. Она простит, заступница наша!

– А свечку не надо ставить?

– Какую ж свечку-то? За здравие – так не родился, а за упокой – так не помер же! А можно и за упокой, лишнее не будет. Была ж душа-то… – она с пониманием покачала

головой.

Я видела, как дрогнули плечи подруги. У меня тоже потекли слезы.

– Ой, да что ты, что ты! – замахала рукой женщина. – Грех конечно, да кто их считает, грехи-то наши! Я сама уж сколько раз! Да не от одного, от разных! Прости мою душу грешную! А к Матроне- то приду, прости, Матронушка, и сразу легче станет!

Она рассматривала меня круглыми глазами с нехорошим желтоватым светом. Её радостно разинутый полупустой рот так и приковывал взгляд. Я невольно сделала шаг ближе. Изо рта донеслось зловонье. А ведь она должна сильно шепелявить с таким стоматологическим дефектом! Почему она не шепелявит?!? – вдруг подумала я и отшатнулась.

– А лучше все же к батюшке! – пошла на меня женщина, снова сокращая расстояние. – Очень хороший батюшка у нас! Отец Виталий. Молодой! Красивый! Высокий! Ох! В службу- то подойдешь, шепнешь ему на ушко, он всё, что надо сделает! – она подошла совсем близко, и мне стало жутко.

– Спасибо, я всё поняла, спасибо… – все свои силы я потратила на несколько шагов назад.

– А будете выходить – молитвенничек возьмите, – напутствовала вслед женщина, продолжая улыбаться. – Очень хороший. Пятьсот рублей всего!

– Пятьсот? А дешевле есть?

– Есть, есть. За двести есть, за сто есть. Но за пятьсот он полней, там на всякий-всякий случай! Мало ли чего ещё приключится. Человек слаб…

Я схватила подругу за руку, и мы быстро вышли из церкви. Подруга молчала.

– Ты всё слышала? – спросила я.

– Всё.

– Полегчало?

– Не знаю….

– Слушай, может, я съела на завтрак просроченный творожок, но мне показалось, что я сейчас поболтала с дьяволом. Он подрабатывает в церкви небритой беззубой женщиной!

Подруга рассмеялась. Смех перешел в истерику, истерика в рыдание, рыдание снова в смех…

– Теперь точно полегчало! – всхлипнула она последний раз, и тихо, просветленно улыбнулась.

Возлюби ближнего

Хорошо на даче летом! Воздух! Лес! Забор! Не то, чтобы я не люблю людей, но любить и природу и людей одновременно пока не выходит у меня. Все мы хотим жить среди людей, но без соседей, однако же, велено: «Возлюби ближнего своего», и дача – идеальный полигон для отработки в полевых условиях этого призыва, – думаю я, лёжа на нагретом солнцем деревянном помосте над собственным прудом. Пруд небольшой, но если плавать по кругу, можно даже устать и, раскинувшись на тёплых досках, щуриться в ослепительное небо. В солнечном сплетении ветвей распевают птички: «Тиу-тиу, тьфу-тьфу, тпренька, тиу-тиу!» Одна птичка поёт очень похоже на: «Тихо-тихо-так-так-себе!» И повторяет: «Тихо-тихо-так-так-себе!»

«Рр – рр – рр» – заглушает птичек бензокосилка. Это сосед напротив. Он приезжает три раза за лето, пробирается сквозь «траву по пояс» к сараю и косит прерывистым нажатием отвыкшего пальца на кнопку. То ли его палец устаёт держать кнопку, то ли он представляет себя едущим на мопеде по некошеному лугу, но звук получается именно такой: «рр – рр – рр». Вывалив живот, с красной спиной и в детской панамке, он машет бензиновой косой как моторизованный супруг старухи с аналогичным садовым инвентарем. Ну вот,

затих – бензин кончился или косилка перегрелась, или супруга позвала чинить ступу. Снова тихо и солнечно. Птички поют на разные голоса, и картежница громче всех: «Тихо-тихо-так-так-себе!» А теперь просто: «Тихо-тихо-таак!» Выиграла, наверно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.